

ФРИДРИХ РЁССЕЛЬ – ПЕРВЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬ Л. Н. ТОЛСТОГО

УДК 821.161.1

<http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-36-42>

Елена Вячеславовна ПАПИЛОВА,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
и доцент кафедры русского языка, Российский государственный
университет нефти и газа (национальный исследовательский университет)
им. И. М. Губкина, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: llennochka@mail.ru

Аннотация: основываясь на воспоминаниях и архивных данных, автор рассказывает о первом воспитателе Льва Николаевича Толстого – немце Фридрихе Рёсселе, у кого будущий писатель обучался с 1833 по 1841 г. Рёссель появился в Ясной поляне в 1829 году и прожил там вплоть до смерти в 1848 г., исполняя должность «дядьки» – слуги-воспитателя при барских детях. В семье его звали Фридрихом Ивановичем, а в историю русской литературы он вошел под именем Карла Иваныча Мауера из автобиографического романа Толстого «Детство. Отрочество. Юность». В статье раскрывается значение иностранного воспитателя в формировании личности будущего классика. Будучи стариком, Толстой вспоминал о доброте Рёсселя – качестве, которому тот смог научить его.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Фридрих Рёссель, Ясная поляна, учитель, гувернер, воспитание.

Для цитирования: Папилова Е. В. Фридрих Рёссель – первый воспитатель Л. Н. Толстого // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. №4 (47). С. 36–42. <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-36-42>

FRIEDRICH RÖSSEL – LEO TOLSTOY'S FIRST HOME TUTOR

Elena V. PAPILOVA, CSc in Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Associate Professor at the Department of the Russian language Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University). Moscow, Russian Federation, e-mail: llennochka@mail.ru

Abstract: based on memoirs and archive data, the author introduces and describes Leo Tolstoy's first home tutor – the German Friedrich Rössel, who educated the boy from 1833 to 1841. Rössel arrived in Yasnaya Polyana in 1829, living there until his death in 1848. He served as the children's home tutor. In Tolstoy's home he was called Friedrich Ivanovich, and he appears in Russian literature under the name of Karl Ivanich Mauer from Tolstoy's autobiographical novel "Childhood. Adolescence. Youth". In the article the author reveals the role of the first foreign home tutor in the formation of the future classicist's personality. When Tolstoy was an old man, he remembered his teacher's kindness – a quality Rössel managed to teach his young pupil.

Keywords: Leo Tolstoy, Friedrich Rössel, Yasnaya Polyana, home teacher, home tutor, upbringing.

For citation: Papilova E. V. Friedrich Rössel – Leo Tolstoy's first home tutor. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*. 2022, no. 4 (47), Pp. 36–42. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-36-42>

Первым иностранным воспитателем Льва Толстого был уроженец Саксонии Фридрих Рёссель (Friedrich Rössel). Он появился в Ясной поляне в начале лета 1829, и уже в письме от 16 июня 1829 мать Толстого, Мария Николаевна, писала мужу: «*Коко (старший сын Николай, – Е. П.) только что принес мне букет. Он освоился с Федором Ивановичем; Сережа и даже Митенька тоже уже привыкли к нему; Коко уже знает несколько немецких слов*» [1, с. 150]. В 1833, в возрасте пяти лет, Лев присоединился к занятиям старших братьев [2, с. 14], стал обучаться под присмотром Рёсселя. В семье его называли Федором Ивановичем, а в русскую литературу он вошел под именем Карла Иваныча Мауера – воспитателя Николенки Иртеньева в трилогии Толстого «Детство. Отчество. Юность».

Это раннее произведение классика настолько автобиографично, что близкие писателя однозначно видели в Карле Иваныче – Рёсселя. Тетушка Толстого Татьяна Александровна Ергольская писала по прочтении «Детства» племяннику: «*Невозможно лучше описать личность Рёсселя, так правдиво и так правильно*» [3, т. 59, с. 210]. И сам Толстой не скрывал, что списал образ со своего настоящего воспитателя: «*Немца нашего учителя Федора Ивановича Рёсселя я описал, как умел подробно, в «Детстве» под именем Карла Ивановича. И его история, и его фигуры, и его наивные счеты – все это действительно так было*» [3, т. 34, с. 370]. Красноречиво свидетельствуют об этом и рукописи романа, где вместо «К. И.» автор называет героя «Ф. И.», и письмо 1865 года к А. А. Толстой с оговоркой: «*Я помню, как передо мной покраснел раз Карл Иваныч*» [3, т. 61, с. 122].

Фридрих Рёссель был взят в качестве воспитателя. Считать его гувернером или учителем неверно: эти звания предполагали наличие довольно высокого уровня образования, подтвержденного экзаменом, и право на полноценную педагогическую деятельность (таким был впоследствии сменивший немца гувернер-француз Сен-Тома [4, с. 329-347]). Рёссель же, бывший солдат, не обладал такими знаниями. Недаром в романе бабушка детей зовет Карла Иваныча «немецким мужиком», «дядькой». Так же обозначено занятие Рёсселя в официальных документах. «Дядькой» в старину называли воспитателя, старого солдата сверхсрочной службы или даже слугу при мальчике в дворянской семье [5, с. 235].

Помимо воспитательной работы, Рёссель должен быть обучать детей немецкому языку. В дворянской семье владение несколькими европейскими языками было общераспространено. Немецкий знала мать Толстого, в том же письме к мужу от 16 июня 1829 она пишет: «*Я тоже упражняюсь в этом языке и замечаю, что много позабыла, часто не нахожу выражений*» [1, с. 150]. Немецкий знал отец Толстого, в своих «Воспоминаниях» Лев Николаевич упоминает: «*Иногда приходит отец, говорит с Федором Иванычем по-немецки, удивляя нас своим выговором. Он говорит пра-*

вильно: *Sie – зи, ganz – ганц, а мы по-саксонски, как Федор Иваныч – си и янц, и с недоверием слушаем выговор отца*» [3, т. 34, с. 377]. В Казанском университете, где, как известно, Толстой не отличался усердием, по немецкому языку он все же получил пятерку, чем обязан хорошей домашней подготовке, полученной под руководством Рёсселя [3, т. 46, с. 472]. Знание немецкого языка Толстой пронес через всю жизнь, хотя, как известно, французским он владел лучше – в такой мере, что думал на этом языке.

До нас дошло крайне мало сведений о Рёсселе. В основном это воспоминания Толстого и близких ему людей и скудные данные из архива Тульской области (ГАТО). Мы не знаем точную дату его рождения. Из анализа ряда сохранившихся билетов на жительство в России (паспортов) [6] можно сделать вывод, что он родился между 16 апреля и 13 мая 1785, но есть данные, указывающие и на 1787–1788 гг. Те же источники и именной список иностранных подданных, которым были выданы паспорта на жительство в Тульской губернии на 1832–1837 гг. [7], указывают на разные даты его прибытия в Россию – 1818 и 1828 гг. В Тульскую губернию он въехал из Москвы для проживания в Крапивенском уезде, к которому относилось сельцо Ясная поляна. Сведения о жизни Рёсселя до приезда в Россию приходится черпать из текста романа.

Судьба Карла Иваныча незавидна. Он одинок. Николенька Иртеньев считает его единственным знакомым ему несчастным человеком. В отношении его к Карлу Иванычу и в самом образе старого воспитателя много сентиментального. Мальчику часто жалко старика, он сочувствует его одиночеству и постоянно зовет его «добрый». Эпитет «добрый» – самый частый в отношении немца, и главное, чему он научил детей, – доброта.

В неопубликованном очерке «Моя жизнь» Толстой называет Федора Ивановича своим первым впечатлением, самым первым человеком, кого он помнил [3, т. 23, с. 472]. Перевод от няни на воспитание к Федору Иванычу был началом взросления мальчика, шагом во взрослую жизнь. В романе Карл Иваныч, наряду с матан и няней Натальей Савишной, принадлежит к числу самых близких Николеньке людей. Этот «немецкий мужик» исполнен доброты, порядочности, искренне привязан к детям [8, с. 27]. В отличие от гувернера-француза, он никогда не наказывает детей физически и любое наказание исполняет с неохотой, как необходимость.

Из рассказов Карла Иваныча детям (главы VIII–Х «Отрочества») ясно, что он в 1796 году (начало войн с наполеоновской Францией) был забран в рекруты. Со слов героя, забирали всех в возрасте от 18 до 21 года (в романе Карл Иваныч 1775–1778 года рождения, т. е. на 10 лет старше Рёсселя). Рекрутский жребий выпал его сводному брату Йохану, но отчиму было жаль расставаться с единственным родным сыном, и Карл Иваныч пошел вместо брата. Он был под Ульмом, под Аустерлицем, ему случалось проявить жалость к французскому солдату. Он попал в плен к французам,

бежал, прожил полтора года рабочим на канатной фабрике, а когда жена хозяина призналась ему в любви, бежал, чтобы не быть неблагодарным по отношению к ее мужу. Через девять лет после ухода в армию он, наконец, попал на родину. Сцена встречи с матерью исполнена сентиментальности. Но дома он прожил только три месяца: был заподозрен в дезертирстве и вынужден бежать. Через какое-то время русский генерал позвал его с собой в Россию учить детей, так он очутился в имении Толстых, обреченный доживать вдали от родины и родных людей.

Портрет Карла Иваныча таков: длинная фигура, седые волосы и лысина, светлые глаза, «доброе немецкое лицо», «добрый немецкий голос». Вот как он вспоминает себя в молодости: «Я был тогда красивый мужчина, я был молодой, высокий рост, голубые глаза, римский нос». Архивные данные дают возможность сравнить портрет персонажа с прототипом. Билеты на жительство [6] содержат словесное описание внешности Рёсселя: в 48–51 год его волосы и брови – русые, глаза – серые, нос и рот – умеренные, подбородок – острый, лицо – белое, рост – средний, особых примет нет. В возрасте 56 лет волосы и брови Рёсселя – седые, подбородок – круглый. В целом внешность персонажа и прототипа совпадают: светлые серые/голубые глаза, рост же немца мог показаться мальчику большим, чем был на самом деле.

В романе русская речь Карла Иваныча ломаная, изобилует множеством ошибок, что придает трогательности его образу и часто рождает комический эффект. Без сомнений, так же говорил Рёссель в жизни: немногие сохранившиеся письменные документы свидетельствуют об этом. Вместе с тем следует отметить аккуратность и красоту его почерка.

В 1837 г. было решено заменить Рёсселя гувернером. «С осени рассталась с Федором Ивановичем и был взят Сен-Тома. Тяжелое, грустное впечатление расставания с Федором Ивановичем» [3, т. 34, с. 401], – записал молодой Лев. Уязвленный Карл Иванович («За свою двадцатилетнюю службу я должен теперь на старости лет идти на улицу искать свой черствый кусок хлеба» (глава X «Отрочества»)) выставил отцу детей счет, куда включил даже стоимость подарков, сделанных когда-то детям, но в итоге расплакался и просил разрешения остаться при детях, так как сильно привязался к ним. Ему было это разрешено, он продолжил обучать младших мальчиков.

В 1840 г. за «неблагополучное поведение» Рёссель был удален из Ясной поляны [9, с. 328]. Причиной послужило, по всей видимости, пьянство. В первой и второй редакциях романа в главе 22 «В постели» он изображен возвращающимся из гостей нетрезвым: «Карл Иванович с сальной свечой, которую он держал не за подсвечник, а за середину, с нахмуренными бровями, но которые беспрестанно дергались, и с ртом набок и из которого текли слюни, взошел в дверь. <...> Карл Иванович казался

на четверть меньше ростом, чем обыкновенно, и ужасно постарел и похудел. Видно было, что он употреблял все усилия, чтобы держать лицо спокойно и идти прямо. <...> Карл Иванович взошел в пустое пространство между нашими постелями, сначала грозно посмотрел на нас; от него пахло какой-то гарью с уксусом и табаком <...> и выговарил с милым сердечным выражением: ‘liebe Kinder’, но в это самое время я с ужасом услыхал, как забурчало у него в животе, потом в горле; он стал вытягивать шею, подаваться вперед и как будто хотел бодать стену <...> Николай с Савелием унесли его и вычистили следы его присутствия» [10, т. 1, с. 110-111].

Толстой, по многу раз правивший свои тексты, во второй редакции этой сцены смягчил краски в описании проступка воспитателя [10, т. 1, с. 218-219], а в итоговом варианте, ставшем каноническим текстом, вовсе изъял эту сцену. Судя по всему, ему не хотелось чернить доброго Карла Иваныча, дорогого его сердцу.

В 1841 г., после переезда детей в Казань, Рёссель остался в Ясной поляне. Он не получал жалования, но по милости Толстых имел свой угол и общий стол. Стареющий и больной, до конца его жизни оставалось семь лет.

В документах ГАТО за 1845 г. имеется дело о просрочке Рёсселем билета (паспорта на проживание в России, который иностранцы должны были продлять). Просрочка составила 19 дней, и за каждый день с немца потребовали уплаты штрафа по 60 копеек серебром (т. е. суммарно 11 руб. 40 коп.) [11, л. 1-8]. В своем объяснении полицейским чиновникам Рёссель писал: «По старости лет моих и по всегдашнему нездоровью я нахожусь жительством в имении малолетних графов Толстых сельце Ясной поляне, по неимению сил без всякого занятия, а единственно по милости их имею угол и пропитание; в начале сего года в особенности был подвергнут сильному болезненному состоянию и припадкам, от чего самого имеющейся при мне всегда билет не мог быть в свое время представлен для перемены». Прошение подписано самим Рёсселем (орфография сохранена): «К сему сведению саксонской поданно Фридрихъ Рессель руку приложилъ». Невозможность уплатить штраф немец объяснил так: «ни денег, ни имущества, через продажу кое-го мог бы быть уложен означенный штраф, не имею, а потому и прошу вас представить куда следует для сведения о таком бедственном положении моем до сведения его сиятельства начальника губернии». На вопрос полицейских, почему не было проведено освидетельствование здоровья, он отвечал: «по преклонности моих лет и теперь по бедному моему состоянию не мог пригласить медицинского чиновника в пользование меня» (для лечения меня, – Е. П.). Дело было решено в пользу Рёсселя, его освободили от уплаты штрафа.

Рёссель прожил у Толстых почти 20 лет и умер в Ясной поляне 17 сентября 1848 года [12, л. 1]. Похоронен был на кладбище села Кочаки, Ни-

кольская церковь которого была приходским храмом Ясной поляны. Дневниковых записей Толстого за сентябрь 1848 не сохранилось, был ли он в это время в Ясной поляне – неизвестно. Метрическая книга с. Кочаки за 1848 год [13, л. 1175–1286] не содержит записи о смерти Рёсселя. Это свидетельствует о том, что немец не принял православие. На то же косвенно указывают архивные данные: в 1842 в Крапивенском уезде числились четверо лютеран – 2 женщины и 2 мужчины [14, л. 40].

Могила Рёсселя не сохранилась, но о ней есть свидетельства. В сентябре 1894 Ясную поляну посетил словак Д. П. Маковицкий. С дочерью Толстого Марией Львовной он совершил прогулку по окрестностям усадьбы, посетили они и кладбище: «*Довольно далеко за деревней находится кладбище. Мария Львовна указала на один крест с зеленым венком: «Посмотрите, это могила Карла Ивановича».* (Смешного доброго немца, домашнего учителя Льва Николаевича в его детские годы, которого он с таким чувством и тонким юмором описал в своем «Детстве»)» [15, с. 75]. И. М. Ивакин, домашний учитель старших сыновей Л. Н. Толстого, вспоминал: «*За деревней шли нивы до Кочаков и Телятинок, двух ближайших деревень, лежавших в 2–3 верстах. В Кочаках была церковь и кладбище. <...> При входе на кладбище виднелся убогий, ветхий-ветхий навес... Я сначала думал, что это часовенка. Оказалось – нет. Навес осенял, как я слышал, могилу Федора Ивановича, который когда-то был гувернером самого Льва Николаевича, и жил, учил и скончался в Ясной поляне. Карл Иванович Мейер в «Детстве» есть воспроизведение склоненного под навесом Федора Ивановича»* [16].

После Рёсселя осталось его «носильное платье» стоимостью 15 руб. 38 коп. серебром, а также деньги – 150 руб. серебром и 200 руб. ассигнациями. Духовного завещания он не оставил, но устно завещал раздать часть своего имущества ухаживавшим за ним людям, а остальное – переслать брату в Саксонию [17, л. 1–4], куда именно – неизвестно. Но главным его наследством стала память о нем его воспитанника и добра, которой он сумел научить мальчика. Во многом благодаря Рёсселю Толстой полюбил немецкий язык, Германию и ее культуру. Путешествуя по Германии, так хорошо говорил по-немецки, что его принимали за немца [9, с. 329]. Большую жену Софью Андреевну хотел везти только в Германию, на озера под Мюнхеном. Незадолго до своей смерти, слушая симфонию Гайдна, сказал близким: «*Симфония эта напомнила мне, во-первых, деда и мать, которые играли это, и я это также играл; во-вторых, Германию хорошую, истинную, с маленькими княжествами, вроде Гольштейна, с центрами образованности, тонкости, а не соединенную, грубую Германию; в-третьих, Федора Ивановича Рёсселя с его добротой»* [18, с. 375].

Список литературы

1. Толстой С. Л. Мать и дед Л. Н. Толстого. Москва : Федерация, 1928. 152 с.
2. Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого: 1828–1890. Москва : Гослитиздат, 1958. 837 с.
3. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 100 т. Москва : Наука, 1992.
4. Полосина А. Н. Гувернеры в жизни и произведениях Л. Н. Толстого // Французский ежегодник: 2011. Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. Москва. 2011. С. 329–347.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Москва : ОНИКС 21 век, 2004. 1200 с.
6. ГАТО Ф.90 Оп.1 Т.16 Д.13223 Л.58, 431; Ф.90 Оп.1 Т.25 Д.19274 Л.69; Ф.90 Оп.1 Т.15 Д.12202 Л.43; Ф.90 Оп.1 Т.17 Д.14036 Л.93.
7. ГАТО Ф.90 Оп.1 Т.13 Д.10766.
8. Папилова Е. В. Образы иностранцев (немцы и французы) в трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» // Русская словесность. 2012. №1. С. 25–29.
9. Лев Толстой и его современники. Энциклопедия. Москва : Парад, 2008. 504 с.
10. Толстой Л. Н. ПСС в 100 т. Редакции и варианты художественных произведений: в 17 т. Т. 1. Москва : Наука, 2000.
11. ГАТО Ф.90 Оп.1 Т.47 Д.40611.
12. ГАТО Ф.278 Оп.1 Д.97.
13. ГАТО Ф.3 Оп.15 Д.945.
14. ГАТО Ф.90 Оп.1 Т.23 Д.16939.
15. Маковицкий Д. П. У Л. Н. Толстого // Ясная поляна: неизвестные страницы. Санкт-Петербург : Росток, 2013. 319 с.
16. Ивакин И. М. Записки. Глава III. URL: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/nta/nta-092-.htm>
17. ГАТО Ф.278 Оп.1 Д.97.
18. Литературное наследство. Т.90. У Толстого. Яснополянские записки Д. П. Маковицкого. В 4 книгах. Кн. 1. Москва : Наука, 1979. 544 с.